

Пурьгин Андрей Евгеньевичаспирант кафедры российской истории
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева**«И ПРИХОДИ И СЛЕДУЙ ЗА МНОЮ»:
РЕАКЦИЯ НА СМЕРТЬ
Л.Н. ТОЛСТОГО В РОССИЙСКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКЕ****Аннотация:**

В статье анализируется составная часть дискурса исторической памяти о Л.Н. Толстом в русском образованном обществе, касающаяся смерти великого писателя. На примере публицистики исследуется образ события как отражения культурных кодов эпохи рубежа XIX–XX вв. Рассматриваются работы знаменитых современников Л.Н. Толстого, в которых находит отражение рефлексия, связанная с утратой. На основании изученных текстов доказывается тезис о том, что главным для современников в фигуре великого писателя были его духовно-нравственные искания, которые персонализировались с судьбой России на переломном этапе ее развития. Кроме того, на данном этапе формирования образа события в исторической памяти четко отображается такая специфика русской культуры, как ее бинарная модель: разрыв между крайней степенью греха и крайней степенью святости.

Ключевые слова:

историческая память, Л.Н. Толстой, российская публицистика, образы прошлого, код культуры, бинарная оппозиция, русская живопись, «хождение в народ».

Purygin Andrey Evgenyevich PhD student,
Russian History Department,
Samara National Research University**“COME AND FOLLOW ME”:
REACTION TO THE DEATH OF
L.N. TOLSTOY IN RUSSIAN
JOURNALISM****Summary:**

The article deals with the discourse that is a part of historical memory about L.N. Tolstoy in Russian educated society and is connected with the death of the great writer. The journalism examines the image of that event as a reflection of cultural codes on the turn of the 19th–20th centuries. The paper analyzes the works of famous contemporaries of L.N. Tolstoy where that loss is reflected. According to the contemporaries, the spiritual searchings of L.N. Tolstoy which intermingled with the destiny of Russia at the crucial stage of its development were the main feature in the image of the great writer. Besides, at this stage of forming the image of the event in historical memory, the binary model of Russian culture is clearly defined. It can be described as the gap between the extreme level of sin and the extreme level of sacredness.

Keywords:

historical memory, L.N. Tolstoy, Russian journalism, images of the past, cultural code, binary opposition, Russian painting, “going to the people.”

В последние годы в исторической науке становится все более актуальной тема исторической памяти. Реконструкция образов и символов, в которых запечатлевается социокультурный опыт общества, не только расширяет наши представления о человеке в истории, но и способствует созданию живой связи эпох, формированию идентичности современного российского общества.

Одной из самых значительных фигур русской культуры был и остается Лев Николаевич Толстой. Это осознавалось уже его современниками: уход великого старца из Ясной Поляны и смерть на станции Астапово превратились в события огромного общественного значения. Проявления всенародной скорби, некрологи и эпитафии, публиковавшиеся в конце 1910 г. – начале 1911 г. на страницах крупнейших журналов России, таких как «Русское богатство», «Русская мысль», «Современный мир», по своему культурному значению переросли рамки обычной коммеморации. Эти публикации представляли собой опыт осмысления роли и места Л.Н. Толстого, его творчества и этических исканий в национальном культурном наследии России. Все эти тексты носили яркий отпечаток своего времени, т. е. создавали портрет Л.Н. Толстого в свежести скорби кисти художественной традиции того времени, к которому они принадлежали.

Для современников Л.Н. Толстой являлся неким этическим нервом, заставлявшим усомниться в незыблемых императивах жизни, миропорядка и официального православного благочестия. В этом отношении показательно влияние Толстого на мятущегося автора знаменитой «Тайной вечери», художника Николая Ге. После знакомства с Л.Н. Толстым Ге создает серию картин на евангельские темы, которые вызвали страсти и неприятие. Это полотна «Выход Христа с учениками в Гефсиманский сад» (1889), «Что есть истина?» (1890), «Иуда» («Совесть») (1891), «Голгофа» (1892), «Суд Синедриона» (1892), «Распятие» в нескольких вариантах. Как замечательно выразил их явление в художественной жизни России А. Бенуа, «Ге, увлеченный проповедью Толстого, вдруг снова обратился к Евангелию... проникся глубоким пониманием общечеловеческого смысла трагедии о Христе. При этом он зажегся таким восторгом от нее, что почти

дошел до пророчества...» [1, с. 178–179]. Подобная сила воздействия личности Толстого на современников литературоцентричной эпохи, безусловно, является необходимым элементом анализа феномена образа Толстого в исторической памяти русской культуры.

Содержание статей было разным: от непосредственных впечатлений после похорон Толстого до анализа его религиозно-нравственных и художественных взглядов. Но в них можно выделить несколько стержневых проблем: отношение Толстого к культуре и религии, нравственное учение Толстого, попытки сближения Толстого с народом и смысл его ухода из Ясной Поляны.

Поэт-символист Валерий Брюсов так описывает свои впечатления от похорон Толстого: «В открытом гробу лежит Толстой. Он кажется маленьким и худым. На лице то сочетание кротости и спокойствия, которое свойственно большинству отошедших из этого мира» [2, с. 125]. В этих строках читается умиротворенное спокойствие, с которым провожали Толстого. Как отмечал В. Брюсов, на похоронах было 3–3,5 тыс. человек и каждый из них чувствовал себя слишком ничтожным, чтобы произнести речь. Яснополянская крестьянка, горячо любившая Толстого, плакала перед его гробом. Он был похоронен в лесу, под тенью деревьев, и эта простота, близость к простому народу были тем, чего так желал при жизни Лев Толстой. Как об этом пишет Присцилла Рузвельт в своей знаменитой монографии «Жизнь в русской усадьбе. Опыт социальной и культурной истории», «Толстой говорил своим ученикам, что хотел бы жить как крестьянин, жениться на простой девушке и стать земледельцем. Мы все молчали. Каждый из нас пытался понять, говорил он всерьез или шутил, представляя себе, как может дворянин стать простым мужиком» [3, с. 324]. Великий феномен искусственного опрощения русской культурной элиты, правдоискательство в «хождении в народ» делают образ смерти Л.Н. Толстого показательным и нарочитым в этой непереводаемости двух культурных кодов: низовой и элитарной культуры.

Андрей Белый в своем некрологе также пытается разгадать смысл ухода и смерти Л.Н. Толстого и проникнуть в тайну его творческого переживания. Он утверждает, что дар слова в своем творчестве Толстой раскрыл в первую половину жизни, но «мудрость жизни погасила в нем прежний художественный гений» [4, с. 91], и с той поры Толстой замолчал. Стремление поведать всему миру простыми словами тайну жизни загасило его дар, но сама немота уже говорила больше, чем дар его слова. В своих проповедях и отношении к миру он становится дарителем жизни. Подаяние милостыни, оказание помощи всем сирым и убогим, радушие и гостеприимство к любому человеку, забота о простых крестьянах, их жизни и труде согревали сердца людей и дарили надежду интеллигенции на духовное преображение и возрождение России. Белый заключает, что идеал святости и последний жест умирающего воздвигли его на недоступный для простых смертных пьедестал. «Его уход и смерть есть лучшая проповедь, лучшее художественное произведение, лучший поступок жизни» [5, с. 94].

В основу очерка религиозного философа С.Н. Булгакова «На смерть Толстого» легла речь, произнесенная им на студенческом собрании 16 ноября 1910 г. В этом очерке философ выражает свое мнение о состоянии современной культуры и воззрениях Толстого на нее, а также о религиозных исканиях Толстого. Булгаков считал величайшей заслугой Толстого постановку вопроса о религиозном смысле культуры: по мнению великого писателя, она «представляет собою в действительности служение пороку, тщеславию, лжи, и потому ее следует отвергнуть» [6, с. 153].

В толстовской проповеди неделания Булгаков видит два момента: общечеловеческий и чисто-толстовский. Для Толстого душа человека дороже целого мира, поэтому все ценности современного общества должны быть отвергнуты перед религиозной совестью. Во имя безусловных религиозных ценностей и заповедей Христа Толстой готов был отвергнуть не только культуру, но и исторически сложившуюся религию, потому что он не видел в ней души. Сущность учения и творчества Толстого Булгаков усматривал в «обращении к личной совести и к личной ответственности каждого» [7]. Это означает, что, по мнению Л.Н. Толстого, каждый человек лично ответствен за судьбу всего человечества. Добрым словом, состраданием, кротостью человека можно спасти, а злобой, жестокостью, неоказанием помощи, равнодушием – запустить цепочку зла на Земле. Как заключает Булгаков, это правдоискание в сердце было главной чертой духовного облика Л.Н. Толстого, снискавшей ему всемирную славу и любовь простого народа.

Тему отношения Толстого к красоте и искусству также раскрывает почитательница писателя, посещавшая Ясную Поляну, Любовь Яковлевна Гуревич. В своей статье «Художественные заветы Толстого», вышедшей в свет в № 3 журнала «Русская мысль» за 1911 г., главными чертами эстетической натуры Л.Н. Толстого она называет любовь к красоте, необычайную четкость и свежесть художественного восприятия.

Она пытается показать, что Толстой-художник жил в Толстом до самой смерти и мучившие его вопросы искусства имели для него первостепенное значение. Исследуя, с одной стороны, состав современного искусства, а с другой – отношение к нему общества, Толстой не находит ни

в том, ни в другом оправдания для существования искусства. Искусство требует для него религиозного освящения.

Не мораль, а назначение и природа самого искусства устанавливают для Толстого критерий его оценки – как по содержанию, так и по форме. Определяя его взгляды, Гуревич приходит к выводу: «Если назначением искусства, вытекающим из самой его природы, является объединение людей, то по содержанию хорошим искусством для Толстого будет только такое искусство, которое может содействовать объединению людей. И высшим родом искусства в таком случае должно быть признано искусство религиозное, несущее в человеческие души наиболее глубокие, всеобщие, всенародные чувства» [8, с. 130].

Воззрения Булгакова и Гуревич на природу и творчество Толстого во многом схожи. Они оба в своих статьях ставят вопрос о религиозном назначении культуры, однако Гуревич ярче выражает толстовские критерии для оценки искусства и отношения общества к нему.

Узловой темой статьи религиозного мыслителя Франка, самого большого почитателя Толстого и проводника его идей среди русской интеллигенции, была нравственная парадигма Толстого. Говоря о всенародной скорби по Толстому, Франк заключал: «Мы любим его не за его художественный гений и не за его отвлеченное учение... То, чем ослепительно сияет для нас его душа, есть прежде всего два основных ее свойства: безграничное правдолюбие и острота нравственной совести» [9, с. 141]. Он уловил сердцем – не разумом, что со смертью Толстого опустела земля и умалился весь мир: «При мысли о Толстом и его смерти мы все испытываем чувство, как при потере родного и близкого человека, – странное и страшное чувство одиночества и опустошения» [10, с. 139].

Центром нравственного мировоззрения Толстого Франк считал учение о непротивлении злу силой. По мнению Франка, это учение обладает глубокой внутренней правдой: оно означает, что «нельзя приемами зла творить добро, нельзя, в расчете на отдаленную выгоду потомства, общества, человечества, терпеть нравственный ущерб» [11, с. 146]. Вслед за Толстым философ делает вывод, что «добро коренится в сердцах человеческих и может осуществляться только через сердца», что нравственная деятельность представляет собой духовный рост, процесс органического воспитания человека [12].

Ключевой темой многих статей была идея сближения Толстого с народом. Один из величайших творцов культуры Серебряного века, поэт-символист Максимилиан Волошин глубоко проникся жизнью и судьбой великого писателя. Он улавливает трагическую предопределенность его кончины и ухода. Движущим мотивом Толстого, как писал Волошин, была воля к «растворению в народе, самоотдаче и жертве до конца» [13, с. 134]. Он стремился, как завещал Христос, положить душу свою за счастье людей и раздать имение беднякам, но всю жизнь не мог вырваться из круга комфорта, безопасности и благополучия. В этом упорном противодействии судьбы самым искренним порывам сердца великого писателя, по мнению М. Волошина, был скрыт глубочайший трагизм [14, с. 136].

В популярном литературно-публицистическом журнале «Нива» также печатались статьи и отклики на смерть Л.Н. Толстого. Многие из них были посвящены единению с народом. Самым ярким и проникновенным был очерк А.А. Измайлова «На смерть Толстого». Выражая духовный облик писателя, Измайлов подчеркивает, что «Толстой весь и всецело создание Русской земли, выразитель Русской души с ее жгучим и тревожным алканием правды» [15, с. 878]. По мнению Измайлова, мотив совести был главным мотивом всех произведений Толстого [16]. Во имя правды и праведной жизни Толстой поклялся не лгать ни перед людьми, ни перед собою. Сравнивая Толстого с Тургеневым по масштабу фигуры и художественному дару, Измайлов показывает, что Толстой воспроизвел в своих романах-эпопеях сокровенные тайники духа русского интеллигентного человека во всей полноте его духовности [17, с. 877]. Очерчивая образ Толстого с любовью, Измайлов видит главным существом его души «прирожденную, органическую потребность противления, вечный и неутомимый дух противоречивости» всему пошлому, злему, бездушному, что казалось обыденным и правильным людям его круга [18, с. 878].

В свою очередь С.Я. Елпатьевский в своем проникновенном некрологе «Вечной памяти Льва Николаевича Толстого» убеждает нас, что своим талантом Толстой был обязан именно своему единению с народом [19, с. 5]. Толстой учил русский народ правде жизни, но и сам учился этой правде у русского народа. У народа он учился простому крестьянскому труду, думать образами, убеждать примерами и притчами, складывать сказки и были, непротивлению злу, насилию [20, с. 6]. Эту свою гипотезу он не выстрадал умом – уловил сердцем у простого ребенка в клетчатой рубашонке, доброго и кроткого, не смиряющегося злу, а учащегося замаливать его жалостью и слезами. И чем дальше шел Л.Н. Толстой в своих поисках правды жизни, заключает Елпатьевский, тем больше проникался «великой религиозностью русского народа, великой правдой трудовой жизни русского народа, великой правдой милосердия его» [21].

Елпатьевский был лечащим врачом Толстого и проявлял к нему глубокую чуткость и заботу. Он был с ним в его последние минуты на железнодорожной станции в Астапьеве. Впечатленный всемирностью и значительностью события, он рассказывал потом о последних мгновениях жизни Толстого: «Умиравший, он пальцами делал по одеялу движения, как будто бы он заносил на бумагу свои последние впечатления в жизни» [22, с. 63].

По-своему откликнулись на смерть Льва Толстого публицисты социал-демократического журнала «Современный мир». Н.И. Иорданский высказал в своей статье мнение, что уход Толстого из Ясной Поляны имел прежде всего общественно-политическое значение как отказ от образа жизни русского господствующего класса. Толстой, по мнению публициста, ушел из своего имения, чтобы «выполнить крайние требования христианского учения» – «разделить все народные страдания, слиться с народом» [23, с. 148–149]. Солидаризируясь с ним, В.П. Кранихфельд в статье «Литературные отклики: вечный путник» видит в Толстом воплощение образа кающегося дворянина, чье детство и юность были временем наивысшего расцвета стародворянской культуры, отживающей свой век [24, с. 67]. Поэтому для великого старца было непосильно бремя барской жизни: замаливая свои грехи, Толстой занимается земледелием как «единственным разумным трудом, свойственным каждому человеку» [25].

Таким образом, Кранихфельд и Иорданский подчеркивали прежде всего социальную подоплеку ухода Толстого из Ясной Поляны, стремление великого писателя разделить «бремя всех страдающих и угнетенных» [26, с. 59]. Убеденный социалист, Николай Иорданский в своей второй статье «Лев Толстой и современное общество» доказывает, что Толстой отрицал вообще не всякую культуру и цивилизацию, а только капиталистическую культуру нашего времени во имя другой грядущей культуры всеобщего равенства и братства. Иорданский объясняет всемирное значение Толстого тем, что он «был верным апостолом социальной революции» [27, с. 106]. Критика Толстым правительства, церкви, общественного строя, всей лицемерности и фальши всех буржуазных устоев подготавливала почву для революции в России. Иорданский доказывает, что поколение за поколением «внимало проповеди, подкрепленной авторитетом художественного гения» [28, с. 107], чтобы затем построить рай на земле.

Ключевым мотивом многих статей стала мысль о том, что скорбь по Толстому стала началом, объединившим русское общество. С.Л. Франк и С.Я. Елпатьевский отмечали всенародный характер этой скорби, которую разделяли друг с другом крестьяне и студенты, представители власти и революционеры, православные и атеисты [29]. Ярче и образнее всех эту мысль высказал Андрей Белый: «Великий русский художник явил нам идеал святости, перекинул мост к народу: религия и безрелигиозность, молчание и слово, творчество жизни и творчество художественное, интеллигенция и народ – все это вновь встретилось, пересеклось, сливалось в гениальном, последнем, красноречивом жесте умирающего Льва Толстого» [30, с. 93–94].

Таким образом, анализ статей на смерть Толстого, опубликованных в русской прессе в 1910–1911 гг., позволяет проследить, как формировался образ великого писателя в памяти его современников, и понять социокультурные основания, на которых строилось самосознание российского общества. Все авторы статей подчеркивали глубокую внутреннюю противоречивость и судьбы самого Толстого, и его творческого наследия. По мысли авторов всех статей, смерть Л.Н. Толстого должна была стать толчком к духовному пробуждению современного им российского общества. Они заключали, что лучшей памятью о великом русском писателе должно являться осуществление его идей милосердия и непротivления.

Как можно заключить, риторика статей, посвященных кончине Л.Н. Толстого, была разной. В них затрагивались самые разные темы: от попытки разгадать тайные причины его ухода из Ясной Поляны до впечатлений от похорон великого писателя, от темы сближения с народом до освещения взглядов Льва Николаевича на искусство и культуру его круга.

Отдельно взятая в качестве объекта исследования рефлексия культурной элиты российского общества на смерть Л.Н. Толстого позволяет глубже проникнуть в феномен взаимовлияния литературного дискурса и повседневности, объясненный как бинарная модель русской культуры, ее обреченность на неизбывный разрыв между крайней степенью святости и крайней степенью зла.

Ссылки:

1. Бенуа Л.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995.
2. Брюсов В. На похоронах Толстого: впечатления и наблюдения // Русская мысль. 1910. № 12. С. 119–127.
3. Roosevelt P. Life on the Russian Country Estate. A Social and Cultural History. New Haven, 1995.
4. Белый А. Лев Толстой // Русская мысль. 1911. № 1. С. 88–95.
5. Там же. С. 94.
6. Булгаков С.Н. На смерть Толстого // Русская мысль. 1910. № 12. С. 151–156.
7. Там же. С. 153.
8. Гуревич Л.Я. Художественные заветы Толстого // Русская мысль. 1911. № 3. С. 117–133.

9. Франк С.Л. Памяти Льва Толстого // Там же. 1910. № 12. С. 139–150.
10. Там же. С. 139.
11. Там же. С. 146.
12. Там же.
13. Волошин М.А. Судьба Льва Толстого // Русская мысль. 1910. № 12 С. 133–138.
14. Там же. С. 136.
15. Измайлов А.А. Памяти Льва Толстого // Нива. 1910. № 49. С. 877–879.
16. Там же.
17. Там же. С. 877.
18. Там же. С. 878.
19. Елпатьевский С.Я. Вечной памяти Льва Николаевича Толстого // Русское богатство. 1910. № 11. С. 5–13.
20. Там же. С. 20.
21. Там же.
22. Кранихфельд В. Литературные отклики: вечный путник // Современный мир. 1910. № 12. С. 57–68.
23. Иорданский Н.И. Уход Л.Н. Толстого // Современный мир. 1910. № 11. С. 146–149.
24. Кранихфельд В. Указ. соч. С. 67.
25. Там же.
26. Там же. С. 59.
27. Иорданский Н.И. Лев Толстой и современное общество // Современный мир. 1910. № 12. С. 89–108.
28. Там же. С. 107.
29. Франк С.Л. Указ. соч. С. 140 ; Елпатьевский С.Я. Указ. соч. С. 12.
30. Белый А. Указ. соч. С. 93–94.